

Немирович-Данченко Василий Иванович

Лазурный край

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Лазурный край / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 844 с.

ISBN 978-5-519-99014-1

ISBN 978-5-519-99014-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Лунный свѣтъ выхватывалъ изъ мрака глубочайшія долины. Оттуда то серебрились кровли тѣсно сплотившагося вокругъ стараго готическаго храма города, то крутой изгибъ рѣки, сжатой стремнинами. Одинокія деревушки часто лѣпились къ самому полотну желѣзной дороги, забрасывавшей ихъ черепичныя кровли снопами искръ.

— Ахъ, тѣснота!... — сокрушался соотечественникъ. — Изъ-за чего только люди бьются?

— Ну, имъ лучше живется, чѣмъ нашему крестьянину. Вотъ изъ-за чего наши бьются?

— Нашъ Бога помнитъ... А то что за безобразіе, помилуйте! Въ Вѣнѣ останавливались мы, какъ это гостиница-то?

— Вандель,—отозвался другой.

— Во... Оно самое. Тутъ сейчасъ церква святого Петра, а черезъ улицу-то, и улица узкая—шаговъ пять,—Эльдорадо. Притонъ такой, съ дѣвками.

— У нихъ неблагогородно. Гдѣ храмъ, сейчасъ и кабакъ.

— Ну, а вы Эльдорадо почему знаете?

— Намъ нельзя не знать... Мы люди дорожные. Теперь дьяволу по пути надъ нами власть дана, чтобы искушать насъ. Это его счастье. Не нашъ грѣхъ! Мы теперь ему, какъ бы, на пропитаніе.

Нужно признаться, что благополучные соотечественники заграницей въ малыхъ количествахъ еще ничего, но въ большихъ — нестерпимы. Сначала я смѣялся, потомъ заскучалъ, тѣмъ болѣе, что разговоръ все вертѣлся около „несомнѣнной, по ихнему, глупости иностранцевъ“. Я постарался заснуть и проспалъ до Лайбаха, когда меня разбудилъ новый пассажиръ, занявшій мѣсто рядомъ. Оказался славянинъ изъ Истріи. Болѣе оригинальнаго австрійца я до тѣхъ поръ еще не встрѣчалъ. Потомъ пришлось привыкнуть къ подобному типу. Представьте себѣ лингвиста, говорящаго чуть не на всѣхъ языкахъ: на французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, русскомъ, даже турецкомъ (онъ былъ морякъ). Съ однимъ только незнакомъ былъ этотъ подданный габсбургскаго дома — съ нѣмецкимъ.

Я удивился этому.

— У насъ многіе такъ. Намъ, у себя, въ Триестѣ, нѣмецкій языкъ повсе не нуженъ. А мнѣ, тѣмъ болѣе,—я изъ Пола.

— А для официальныхъ сношеній?

— Мы пишемъ по итальянски и по славянски. Тѣмъ, которые

имѣютъ близкія сношенія съ мадьярами, тѣмъ скорѣе. Мадьяры всюду вводятъ свой языкъ, учрежденія. Боятся своей малочисленности, и потому терроризуютъ населеніе. А съ австрійцами жить можно. Австрійцы не особенно стѣсняютъ. Мы не любимъ ихъ, но миримся съ нашимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что они очень мало вмѣшиваются въ нашу жизнь. Мы даже ихъ и не знаемъ вовсе.

Нельзя, вообще, судить по порядкамъ мадьярскимъ о нынѣшнемъ австрійскомъ режимѣ. Зашла рѣчь о сближеніи съ Россіей и съ другими славянскими народностями. Я привожу здѣсь мнѣніе моего спутника только потому, что, послѣ, въ Триестѣ, Капо-д'Истріи, Дивачѣ, Фіуме и Полѣ мнѣ пришлось слышать варіаціи все на ту же тему. Мы почему то у себя дома воображаемъ, что славяне не вѣсть какъ любятъ насъ и только о томъ и мечтаютъ, что-бы подъ главенствомъ Россіи сплотиться въ одно великое славянское государство съ исправниками, становыми и урядниками. Все это очень лестно для насъ, но, по справкамъ съ дѣйствительностью, оказывается далеко не вѣрно. Далматинцы, напримѣръ, думаютъ совершенно иначе: Россію и русскихъ они любятъ вдалекѣ, какъ отвлеченное понятіе, общаго же съ нами они ничего имѣть не хотятъ. Узнавая въ васъ русскаго, они сейчасъ же подчеркиваютъ духовное сродство, говорятъ о нашей литературѣ, щеколятъ знаніемъ нашихъ поэтовъ, но что касается до политическаго объединенія, то оно возбуждаетъ въ нихъ только насмѣшливую улыбку. Россія—вдалекѣ, какъ сильное славянское государство, разумѣется, нужна имъ. Въ случаѣ чего все-таки поддержка, но только вдалекѣ. Вблизи, избави Боже! Когда надо произвести давленіе на Австрію, добиться тѣхъ или другихъ правъ,—математическое понятіе идеальной Россіи выступаетъ на первый планъ. Они имъ пугаютъ кого слѣдуетъ, и затѣмъ опять, до слѣдующаго раза, складываютъ этого размазаннаго дракона въ кунсткамеру.

Австрійцы, оказывается, именно, и поддерживаютъ здѣсь собственное обаяніе, предоставляя коллѣйшій просторъ національной борьбѣ всевозможныхъ племенъ, забросившихъ свои обрывки въ Истрію и Далмацию. Правительство само стоитъ въ сторонѣ и только исправно сбграетъ подати и еще исправнѣе пополняетъ флотъ превосходными морскими изъ берегового населенія. Когда ему нужно осадить зазнавшихся итальянцевъ, оно обращается къ славянамъ; когда эти ему кажутся опасными, оно загрызаетъ съ итальянцами. Въ то же самое время,

предоставляя относительную свободу мѣстной печати, оно, какъ умный кочегаръ, спасаетъ самый механизмъ, во время отрывая клапаны и такимъ образомъ давая выходъ излишку накопившихся паровъ. Въ высшей степени подозрительное, полицейско-придирчивое въ Босніи и Герцоговинѣ, затопившее этотъ присоединенный край цѣлымъ моремъ фратровъ, шпионовъ, тайныхъ и явныхъ, здѣсь оно вполне спокойно за свою власть. Острова Адриатикѣ почти вовсе не знаютъ австрійскаго чиновника. Итальянцы съ такою ревностью слѣдятъ за славянами и обратно, что ни малѣйшее движеніе не можетъ укрыться отъ центрального управленія. Въ нашемъ поѣздѣ къ утру оказался итальянецъ изъ Венеціи, котораго мой спутникъ-далматинецъ назвалъ эмиссаромъ „Italia-irridenta“. Этотъ „бунтарь“ свободно развѣзжаетъ по всей Далмаціи, живетъ въ Триестѣ, произноситъ соотвѣтствующія рѣчи и „ничего-же сумняшся“ спокойно отправляется домой... Разумѣется, случись что-нибудь серьезное, начнись движеніе, опасное по своему характеру, австрійцы не постѣснятся дѣйствовать надлежащимъ порядкомъ *).

Подъ утро — поднявшееся солнце разогнало предразсвѣтный туманъ и направо отъ насъ, выпзу, подъ высокими горами, на красивыхъ берегахъ Мюра раскинулась столица Штиріи — Гратцъ. Величавый Шлосбергъ вырѣзался всѣми своими башнями на голубыхъ небесахъ.казалось, онъ висѣлъ надъ рѣкой... Еще минута — и поѣздъ уносилъ насъ далѣе и далѣе, по сторонамъ мелькали чудныя картины, долина за долиной, съ цѣпью горъ и селами, синія ущелья, все болѣе и болѣе скалистыя обрывы... Не успѣли мы всмотрѣться въ ихъ заваленныя утесами массы, какъ направо примерещилось и опять спряталось голубое море... Вновь показалось... Раскинулось шире... Взглядъ старается проникнуть сквозь легкую пелену тумана въ заманчивую даль Адриатики... Какимъ тепломъ вѣетъ оттуда! Югъ, точно просыпающійся, протягиваетъ намъ ласковыя объятія; свѣжая зелень чаруетъ взглядъ... И небо темнѣе и воздухъ полонъ нѣги... А тутъ еще, какъ нарочно, сидящій рядомъ далматинецъ съ видимымъ интересомъ справляется:

*) Это писалось до обостренія итальянскаго движенія въ Триестѣ. Какъ читатель видитъ — авторъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Тогда Italia irridenta дѣйствовала во всю. Криспи еще не появлялся на горизонтѣ.

— Правда-ли, что въ Россіи восемь мѣсяцевъ зима, а четыре — дурная погода?..

— Да вѣдь вы-же были въ Россіи?

— Я былъ не въ Россіи, а въ Одессѣ... — совершенно резонно отвѣчаетъ онъ, вполне убѣжденный, что Одесса имѣетъ мало общаго съ нашимъ отечествомъ. — Тамъ евреи, греки и итальянцы — а русскихъ нѣтъ! — поясняетъ онъ свою мысль.

Сквозь легкую, голубую пелену тумана, лежавшаго на лазурномъ морѣ, изрѣдка мелькалъ то пароходъ, торопившійся куда-то, то парусное судно, едва замѣтное посреди спокойнаго простора... Глазъ съ трудомъ различалъ тихія волны, медленно катившіяся къ полусоннымъ берегамъ. Становилось теплѣе. Чѣмъ выше подымалось горячее солнце поэтического юга, тѣмъ яснѣе дѣлалось кругомъ. Вонъ, впереди, весь затопленный чащею вѣчной зелени, гористый мысъ, все ниже опускается онъ къ бѣлой каймѣ, которую пѣнистыя волны прибили къ самому берегу... Мысъ заканчивается длиннымъ выступомъ. Онъ тоже весь завернулся въ зеленое облако задумчиваго сада — и только у самой лазурной глубины на немъ, вдругъ, какъ чудный, стройный сонъ, поднялся мраморный замокъ, обратившій къ югу яркія блистающія очи... Я не знаю ничего красивѣе, заманчивѣе этого Мирамаре, гдѣ растрѣянный потомъ Максимилианъ провелъ когда-то лучшую пору такъ трагически прерванной, жизни. Странна была судьба этого принца — идола славянъ Далмаціи и Истріи, до сихъ поръ оплакивающихъ въ немъ пламеннаго защитника своихъ вольностей. Любимый народомъ и ненавидимый Вѣной, онъ не зналъ, куда ему спрятаться отъ страстныхъ запросовъ однихъ и слишкомъ явнаго недовѣрія другихъ. Это былъ человѣкъ вовсе не созданный для трона, на которой его привели интриги Наполеона, коварство Вѣны и честолюбіе жены. Только, когда изъ лона прозрачныхъ водъ Адріатики поднялся этотъ Мирамаре, прислонившійся, съ одной стороны, къ роскошно раскинутому саду, а съ другой — заглядѣвшійся въ безконечную даль, на самомъ краю которой невидимая, только мерещится влюбленному взгляду, — задумчивая Венеція, — Максимилианъ нашелъ, куда ему прятаться для „сладкой лѣни и мирныхъ грезъ“. И какъ идетъ имя, данное этому замку — Мирамаре, — „любуйся моремъ“. Оно такъ же звучно, какъ красивъ онъ самъ. Потомъ я нѣсколько разъ посѣщалъ эту бѣломраморную виллу. Какіе дивные уголки, какая невиданная

роскошь растительности. Садовники здѣсь — истинные художники; сочетаніе деревьевъ въѣхъ пяти частей свѣта — гармонично какъ строфы вдохновенной поэмы. Цвѣтники будятъ въ сердцѣ поэтическую грезу. И всюду вы видите не только то, что передъ вами — но и изумительныя по красотѣ дали. Отсюда не хочется уходить, тѣмъ болѣе что замокъ съ своими сказочными изъ тысячи и одной ночи садами открытъ съ девяти утра до девяти вечера каждому. Мирамаре въ десяти минутахъ отъ станціи Гриньяно, которое кажется со всѣхъ сторонъ заваленнымъ камнями. Смотришь на этотъ чудовищный хаосъ кругомъ и, невольно, въ головѣ является картина каменнаго дождя, поразившаго этотъ край. Иначе не знаешь, чѣмъ и объяснить густой слой осколковъ скалъ и утесовъ, засыпавшихъ мирное Карсо, какъ называется этотъ край. Какихъ нужно было усилій и знанія, чтобы на клочкѣ бесплодной земли создать цвѣтущій уголокъ, развести роши, отъ которыхъ на васъ вѣетъ, вмѣстѣ съ благоуханіями Востока и воспоминаніями о красотѣ итальянскаго возрожденія! И вся дорога отсюда до Триеста — непрерывный рядъ постоянно смѣняющихся картинъ. Направо все то-же море, все та-же, вѣчна манящая къ себѣ, голубая даль; налѣво — скалы и утесы Истріи, гдѣ, словно чудомъ, изъ разсѣлины выглянуть — то красивая вилла, то таинственный садъ, то зазмѣятся гремучая реченка, торопливо сбрасывающаяся со скалы на скалу, съ уступа на уступъ, чтобы скорѣй съ послѣдней высоты упасть въ спокойныя, вѣчно расщелины, материнскія объятія теплой Адриатики... А вдали — этотъ полувоздушный миражъ Триеста, который недаромъ называется Австрійской Венеціей.

II.

Триестъ на первыхъ порахъ.

Изъ Набрезины, передъ самымъ Триестомъ, къ намъ сѣло нѣсколько итальянцевъ.

Тотчасъ-же поднялись рѣчи о знаменитомъ политическомъ процессѣ, при чемъ между бывшими здѣсь далматинцами и новыми пассажирами завязался отчаянный споръ.

— Триестъ — это клочекъ Италіи, еще томящійся въ когтяхъ габсбургскаго орла! — ораторствовалъ смуглый венеціанецъ. — Триестъ и Южный Тироль — вѣчный упрекъ нашимъ объединителямъ.

— Позвольте, — вступились далматинцы. — Триестъ — чисто славянскій городъ, населеніе кругомъ славянское. Венеціанскій Левъ св. Марка здѣсь пришелецъ... Хозяева въ этой странѣ — мы.

Шумъ подымался невообразимый. Спокойнѣе всѣхъ держался старикъ, съ которымъ мы сошлись очень быстро. Узнавъ, что я русскій, онъ сейчасъ же познакомился со мною и заговорилъ о союзѣ славянскихъ расъ, т.-е., главнымъ образомъ, Россіи съ расою латинскою. Запелъ разговоръ о нашемъ отечествѣ, и синьоръ Виченцо ди-Кастро, нѣкогда знаменитый падуанскій профессоръ, а теперь извѣстный писатель, самъ, и отецъ неменѣе извѣстнаго писателя, поразилъ меня точными свѣдѣніями о Москвѣ, о Волгѣ, о нашихъ общественныхъ слояхъ, о народѣ, — свѣдѣніями, которыми насъ, вообще, далеко не избаловали иностранцы. Этой случайной встрѣчѣ съ маститымъ представителемъ итальянской науки я былъ обязанъ потомъ пріятнѣйшими минутами, проведенными мною въ интеллигентныхъ кружкахъ Венеціи, Падуи, Вероны, Милана и Болоньи. Одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ представителей лиги мира, ди-Кастро съ отвращеніемъ встрѣчалъ патристическіе и хищные споры различныхъ народцевъ, сбитыхъ на небольшомъ полуостровѣ Адриатическаго моря. Странно было подъ вѣчно голубымъ небомъ, у ласковаго лазурнаго простора спокойно колышущихся волнъ, прислушиваться къ девизамъ борьбы и власти, къ крикамъ взаимной вражды и ненависти. Спорили на всевозможныхъ языкахъ: на итальянскомъ, сербо-иллирійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, даже на греческомъ. Цѣлый калейдоскопъ, вавилонское столпотвореніе нарѣчій, одуряющій вихрь звонкихъ фразъ, прикрывающихъ себялюбивыя и эгоистическія мысли, отъ котораго что-то жестокое и холодное, какъ проклятіе, проникало въ душу... Лучшее всего, что самымъ яркимъ защитникомъ славянства являлся здѣсь родовитый славянскій графъ, пезнающій, тѣмъ не менѣе, славянскаго языка вовсе и принужденный говорить на итальянскомъ, а за центральную власть стоялъ нѣмецъ, родившійся въ Польшѣ, и потому не вѣдающій вовсе отечественнаго языка и отвѣчавшій по далматински! Оба съ трудомъ понимали другъ друга, пока въ споръ не впутался яро и свирѣпо, точно сорвавшійся съ цѣпи итальянецъ, но по... нѣмецки... Въ концѣ концовъ, всѣ эти Демосеены вылупили глаза одинъ на другого, очевидно, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Вы знаете, какъ это ни странно, по славянская аристократія у насъ почти не знаетъ своего языка,—объяснили мнѣ.

— Почему это?

— Еще очень недавно родное слово считалось здѣсь языкомъ мужиковъ. Его презирали. Случалось даже, что изучали другіе славянскіе языки, но, тѣмъ менѣе, знакомились съ своимъ. У насъ есть люди образованные, вліятельные, которые въ 50 лѣтъ отъ роду сѣли за нашу азбуку. Графъ, на котораго вы смотрѣли съ такимъ удивленіемъ, вовсе не исключеніе въ этомъ родѣ. Скорѣе общее правило. Были и такіе, которые перевернули фамилію на итальянскій ладъ и стараются прослыть настоящими итальянцами. Я могу вамъ назвать нѣсколько древнихъ родовъ Истріи, которые уничтожили свои родовыя и приписываютъ собственное происхожденіе венеціанскимъ выходцамъ въ Рагузу, Каттаро, Цару, Полу.

Подъ шумъ этой ожесточенной взаимной травли—нашъ поѣздъ подошелъ къ Триесту.

Не успѣвъ я выйти изъ вагона, какъ на платформѣ разыгралась уморительная сцена.

— Батюшки?... Что-же это... Куда-же это насъ завезли?..

Смотрю—все тѣ-же соотечественники, собиравшіеся въ Бари на поклоненіе къ св. Николаю.

— Что съ вами?

— Запутались. опять!

— Какъ такъ?

— На кондуктора понадѣялся... Гульденомъ его поманули... Онъ ничего, взялъ какъ слѣдуетъ... Въ Набрезинѣ смѣнять вагонъ слѣдовало, а мы въ Триестъ попали!

— Отчего же не вы смѣняли?

— Да мы въ другой перешли... Анъ и тотъ приволокъ насъ сюда.

— Ну, теперь ждите вечера...

— Видно, угодникъ по всеѣмъ мытарствамъ водить насъ... Что-жь дѣлать!.. Его святая воля.

— Поѣзжайте въ отель.

— Только скажите вы намъ, въ какой мы теперь, примѣрно, державѣ?

— Въ Австріи.

— И вчера въ Австріи?

— И вчера.

— Ишь она какая... Значительная. Такъ въ гостиницу, значить. А не ограбятъ въ гостиницѣ?

И соотечественники, сгибаясь подъ тяжестью сакъ-вояжей, побрели къ выходу, заплативъ предварительно штрафъ и плату отъ Набрзины къ Триесту.

— Дураковъ учить надо!—утѣшалъ себя одинъ.

— Такъ смѣшнѣй!—филосовски замѣтилъ другой.

На томъ они оба и успокоились, хотя, очевидно, вѣра во всемогущество гульдена у нихъ колебалась.

Русскіе такъ мало посѣщали и посѣщаютъ этотъ прелестный уголокъ Адриатическаго моря, что я считаю возможнымъ остановиться на немъ нѣсколько долѣе. Широкія, отлично обстроенныя улицы нижняго Триеста, по которымъ я ѣхалъ теперь, не имѣютъ ничего общаго съ старинными, узкими „visolo“ и „пьяццами“ съ ладонь величиной въ старомъ городѣ, занявшемъ собою гору, съ самой вершины которой, словно нахмурившись, смотритъ въ безконечную даль средневѣковый замокъ. Не знаю какъ кому, но мнѣ историческій Триестъ нравится больше, чѣмъ современная часть его, обставленная громадными домами въ восемь и десять этажей, не пошловатой вѣнской архитектуры, отъ которой такъ и пахнетъ разбогатѣвшимъ лавочникомъ, а болѣе благородной и простой, на которой, очевидно, отразились традиціи лучшихъ временъ итальянскаго искусства. Нѣтъ аляповатыхъ лѣпныхъ работъ, невѣжественнаго смѣшенія всевозможныхъ стилей; вездѣ линіи строги, просты; все цѣльно, и, даже если хотите, величаво. Разумѣется, я говорю не про торговую часть города. Биржевика въ семи водахъ мой, какъ зайца, ничего изъ него не сдѣлаешь, и изъ ожирѣлаго буржуа никакъ не выйдетъ Аполлонъ Бельведерскій. Но и пузатое кулачество все-таки не претъ здѣсь съ своими затѣями на выносъ, а старается подойти подъ общій колоритъ новаго города. Оно обстроило домами улицы: св. Антонія, Спиридїона, Понте-Росса, св. Николая, но скромно и красиво. Зато какъ хороши новыя площади, какъ хороша Акведота,—улица, о которой мнѣ еще придется говорить впослѣдствіи! Наскоро мнѣ пришлось знакомиться съ этимъ, пока омнибусъ изъ отеля „Aquila Nera“ (Чернаго Орла), влекомый парюю печальныхъ росси-

нантовъ, съ подобіемъ Донъ-Кихота на козлахъ, тащилъ насъ по улицамъ и площадямъ...

— Что это, хорошій отель?—спрашиваю я у итальянца, котораго я принялъ за артельщика изъ гостиницы.

— Еще-бы!..—съ гордостью поднялъ онъ плечи.—Еще-бы не хорошій! Онъ—мой.

— Какъ, вы хозяинъ?

— Si, Signor...

— Что-жъ вамъ за охота ѣздить самимъ?

— Расходъ на одного человѣка остается въ карманѣ. Знаете, есть отели красивѣе и новѣе моего, но у меня останавливаются патріоты! Итальянцы, пріѣзжая въ Триестъ, считаютъ обязанностью побывать въ Черномъ Орлѣ. Потомъ—мой отель дешевле другихъ. Ессо, signor, путешественники странный народъ. Они готовы спорить изъ-за всякаго франка, мы имъ уступаемъ гульденъ, не ставимъ имъ въ счетъ тысячи мелкихъ услугъ, а они всякую блоху, съ особеннымъ трудомъ пойманную у себя на кровати, тычутъ въ носъ, точно мы не видали блохъ!

— Такъ у васъ есть блохи?

— Гдѣ ихъ нѣтъ, и почему-бы имъ не быть? Гдѣ есть люди, тамъ есть и блохи! — съ глубокимъ убѣжденіемъ рѣшилъ хозяинъ Аввила-неро.

— Ну, это не утѣшительно!

— Блоха, вѣдь, не скорпіонъ,—утѣшилъ онъ меня! И даже не фаланга!

Номеръ, отведенный мнѣ, вполне оправдалъ сдѣланную хозяиномъ рекомендацію. Блохъ было много, удобствъ мало. Въ то время, какъ на улицахъ была жара—въ номерѣ я дрожалъ отъ холода. Пришлось приказать затопить каминъ—новая бѣда, дымъ оттуда повалилъ не въ трубу, а прямо на меня. Очевидно, это случалось часто, потому что стѣны и потолокъ были замѣтно закопчены.

— Бываетъ ли у васъ здѣсь солнце когда-нибудь?—спрашиваю у „директора“. Старшій лакей носитъ здѣсь такое величественное званіе.

— Солнце всегда, когда угодно сеньору.

— Я хочу сейчасъ.

— Сейчасъ солнца не полагается.

— Окна обращены на сѣверъ?

— Нѣтъ, на югъ.

— Вѣдь, вотъ гдѣ онъ.

— Это по вашему. Мы считаемъ югъ тамъ! И онъ наивно показалъ на сѣверъ. Впрочемъ, если хотите, вамъ отведутъ комнату на „югъ“ по вашему. Я сейчасъ скажу объ этомъ „министру“.

Званіе министра носилъ управляющій отелемъ.

Мое желаніе было удовлетворено. Мнѣ отвели комнату, дѣйствительно, на югъ но... въ ней не было оконъ, она оказалась темной, и потому я опять вернулся назадъ...

III.

Сербская церковь.—Морѣ и портъ:—Тергестео и невѣроятные буржуа.—Леопольдъ I и Карлъ VI.

Тріестомъ гордятся его граждане. Какъ всѣ старинные города, онъ имѣетъ исторію, восходящую непрерывно къ Ноя. Не потому-ли жители его славятся пьянствомъ? По преданію, Тріестъ существовалъ уже за 2,000 до Р. Х., будучи основанъ однимъ изъ ближайшихъ потомковъ Ноя. Потомокъ этотъ до того плѣнился красотой положенія и моремъ, что не захотѣлъ никуда итти далѣе. Времена были подходящія. Что приглянулось, то и бери. Потомъ эту мѣстность окрестили въ Monte Muliano, и уже въ качествѣ таковой она была завоевана Кайемъ Семпроніемъ. Римляне назвали ее Tergest и возвели городъ въ высокій санъ римской колоніи. Повышеніе это жителямъ неособенно понравилось. Они нѣсколько разъ возставали, прогоняли чужеземцевъ; тогда являлись легіоны, избивали кого слѣдуетъ, оставляя женщинъ и младенцевъ. Когда младенцы подрастали, они опять начинали бунтовать, благодаря чему тріестцы до сихъ поръ гордятся своею исторіею и называютъ себя свободолюбивыми. Въ настоящее время для Австріи Тріестъ играетъ ту-же роль, какую Гамбургъ для Сѣверной Германіи. Тутъ бьется сердце морской торговли, отсюда разгоняется кровь по безчисленнымъ маленькимъ коммерческимъ городкамъ-пульсамъ. Тріестъ—былъ при мнѣ порто-франко, и хотя я сюда попалъ не въ коммерческій сезонъ, но весь его огромный портъ загромождали безчисленные корабли. Суда всевозможныхъ флаговъ приходили и уходили. Громадные пароходы, точно сказочныя чудовища, спали на